

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Иванов

**“ДУШЕПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ”
О РАСКАЯВШЕМСЯ РАЗБОЙНИКЕ
(ВНГ, 1450 м)**

В Синодальной греческой рукописи ГИМа № 296 (Владимир 483), созданной в XVI в., содержится весьма обширная антология “душеполезных историй” (л. 367–394). Под номером 10 в этой антологии фигурирует рассказ, поименованный в указателе Ф. Алькэна *Bibliotheca Hagiographica Graeca* “*De latrone converso*” (№ 1450 м)¹. В центре повествования – знаменитая константинопольская больница Самсона, однако характерно, что ни сам святой Самсон, покровитель этой больницы, ни даже кто бы то ни было из духовных лиц не фигурирует в рассказе. Можно заметить также, что финал новеллы находится в резком противоречии с ее основным смыслом: мораль основной части в том, что даже самый страшный преступник может спастись, если покается хоть перед смертью – писателю же, составившему послесловие, такой “экстремизм” не очень нравится. Он предпочитает более традиционные пути спасения души. Действие отнесено к концу VI в., быть может, рассказ сложился в Константинополе в первые десятилетия VII в., когда в моде были повести о нетрадиционной святости, а культ императора Маврикия всячески пропагандировался Ираклием.

История эта была известна Анастасию Синаиту, автору проповеди на Шестой псалом (СРГ, 7751)². Известны два варианта данной проповеди, близкие друг другу, но все же достаточно различающиеся, чтобы их невозможно было считать рукописными. Обе проповеди опубликованы в 89-м томе Миневоу *Patrologia Graeca*. “Душеполезная история” из московской рукописи № 296 весьма близка к первому из опубликованных у Миня вариантов. К сожалению, издатель XIX в. не сообщил, по какой именно рукописи публикуется текст, ограничившись замечанием, что издает его “*ex Regio codice*”³.

Поскольку широко известно, что под именем Анастасия Синаита скрывается несколько авторов, писавших в разное время, от VII до IX в.⁴, нельзя с уверенностью говорить, когда именно наша история была записана в своей нынешней форме. В принципе, стилистика повествования напоминает Павла Монемвасийского и авторов его круга⁵, да и встречающиеся в рассказе мотивы взвешивания грехов на весах и записывания их бесами на специальных хартиях похожи на агиографические тек-

¹ Согласно Алькэну, эта же история содержится в рукописях *Cod. Vatic. 1510*, написанной в 1431 г., и с несколько иным окончанием в *Cod. Hieros. Sab. 223*, XIV в.

² В “Пандектах” Никона Черногорца (мы судим лишь по славянскому переводу в издании Почаевской лавры 1795 г.: Слово 52, л. 428–429), где приводится наша “душеполезная история”, ее авторство также приписывается Анастасию Синаиту.

³ *Anastasioi Sinaitae Homilia dicta in Sextum Psalmum* // PG. 89. Col. 1078.

⁴ См.: *Εγκυκλοπαίδεικό προσωπογραφικό λεξικό Βυζαντινῆς ιστορίας καὶ πολιτισμοῦ* / Εκδ. Α.Γ.Κ. Σαββίδης. Τ.Β'. Αθήναι, 1997. Σ. 150–151 и литература.

⁵ *Wortley J. Les récits édifiants de Paul évêque de Monembasie, et d'autres auteurs.* P., 1987. P. 18–25.

сты средневизантийского периода. Но можно ли на таких косвенных основаниях строить датировку – сказать трудно.

Новелла о разбойнике была популярна в переводной славянской письменности. Она фигурирует уже в древнейшем Прологе № 1329 Софийского собрания (XII–XIII вв.) под 17 октября, л. 205–206. Ниже эта любопытная новелла публикуется по московской рукописи, с вариантами по изданию Миня (М). Орфография нормализована, оговариваются лишь отдельные отклонения от нормы.

(fol. 388v)

Ἐπὶ Μαυρικίου τοῦ* βασιλέως ἐγένετό τις ἀρχιληστής ἐπι** τὰ μέρη τῆς Θράκης. ὦμος καὶ ἀπάνθρωπος καὶ τοιοῦτος ἦν ὡς καὶ τὰς ὁδοὺς ἐκείνας ἀβάτους πεποίηκε***. τοῦτον χειρώσασθαι (fol. 389) πολλῶν στρατιωτῶν καὶ στρατηγῶν**** πάσῃ μηχανῇ ἐπιχειρησάντων, καὶ μὴ δυνήθέντων, ἀκούσας τοίνυν***** ὁ θεϊότατος βασιλεὺς Μαυρίκιος διὰ τινος νεανίσκου παιδὸς τὰ ἴδια φυλακτὰ ἀπέστειλε καὶ ἐγκόλπια^{1*} τῷ ἀρχιληστῇ λόγον καὶ ὄρκον αὐτῷ διδοῦς^{1**}. ὁ δὲ ἀρχιληστής κατ' ἐνεργεῖαν^{1***} Θεοῦ αἰδεσθεὶς τὸν λόγον τοῦ βασιλέως καὶ^{1****} ἀποβαλὼν τὸ ἔθος τὸ ληστρικόν, ἐν πραύτητι προβάτου δίκην^{1*****} κατελθὼν τοῖς^{2*} ποσὶ τοῦ βασιλέως μετ' ἐξομολογήσεως προσέπεσεν. εἶτα μικρῶν ἡμερῶν τινω^{2**} διελθουσῶν καὶ^{2***} εἰς ἀσθένειαν ὁ ληστής πυρεκτικὴν περιπεσὼν ἔκειτο ἐν τῷ νοσοκομείῳ τῷ λεγομένῳ τοῦ Σαμφῶ^{2****} καὶ χρησάμενος οἰνοποσίῳ^{2*****} εἰς φρενητικὴν ἔκστασιν περιέπεσει^{3*}, εἶτα ἀνανήψας καὶ εἰς ἑαυτὸν ἐλθὼν καὶ^{3**} καταλαβούσης λοιπὸν τῆς νυκτός, ὡς^{3***} εἶδεν ἑαυτὸν βαρούμενον καὶ τοῦ βίου πάντως ἐξερχόμενον^{3****} εἰς οἰκεσίαν τοῦ πανοικτίρμονος Θεοῦ ἐτρέπετο σὺν δάκρυσιν ἐξομολογούμενος καὶ συγχώρησιν (389 v) τῶν αὐτοῦ ἁμαρτιῶν^{5*****} αἰτούμενος καὶ λέγων "Ὁὐ ζητῶ τι ξένον παρὰ σοῦ, φιλάνθρωπε^{6*}, ὅσα γὰρ σοὶ δι' ἐξομολογήσεως ὁ ληστής ὁ πρὸ ἐμοῦ^{6**}, οὕτως καὶ εἰς ἐμέ^{6***} θαυμάστωσον τὰ ἐλέη σου τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ^{6****}, καὶ δέξαι μου τοῦτον τὸν ἐπὶ θάνατον^{6*****} κλαυθμὸν ἐν τῇ κλίνῃ^{7*} καὶ ὡς ἐκείνους τοὺς περὶ^{7**} τὴν ἐνδεκάτην ὥραν μηδὲν ἀξιον ἐργασαμένου, οὕτως κάμοῦ τὰ πικρὰ ταῦτα καὶ^{7***} μικρὰ

* τοῦ τῶν Χριστιανῶν

** περὶ

*** ἐποίησε

**** ληστοδικῶν

***** om. M

^{1*} ἐγκόλπια cod.; om. M

^{1**} λόγον – διδοῦς om. M

^{1***} ἀπέστειλε τῷ ἀρχιληστῇ καὶ ὡς περ ἐξ ἐνεργείας

^{1****} om. M

^{1*****} δίκην προβάτου

^{2*} ἐν τοῖς

^{2**} τινω ἡμερῶν

^{2***} om. M

^{2****} τῶν Σαμφῶν cod.

^{2*****} οἰνοποσίῳ cod.

^{3*} μετέπεσεν

^{3**} om. M

^{3***} ἦδη ὡς

^{3****} καὶ – ἐξερχόμενον om. M

^{5*****} ἁμαρτημάτων

^{6*} Δέσποτα φιλάνθρωπε

^{6**} ὅσα – ἐμοῦ cod. ὡς γὰρ εἰς ἕνα τῶν πρὸ ἐμοῦ ληστῶν M

^{6***} ἐμέ τὸν ληστῆν

^{6****} τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ om. M

^{6*****} ἐπιθανάτιον

^{7*} κλαυθμὸν ὃν ἐν τῇ κλίνῃ κατακείμενος ποιοῦμαι

^{7**} μετὰ

^{7***} πικρὰ ταῦτα καὶ om. M

δάκρυα καθαίρων με καὶ βαπτίζων ἐν αὐτοῖς^{7****} ἐνθανάτιον τὴν^{7*****} συγχώρησιν ὡς βάπτισμα παράσχου^{8*} μὴ ἀπαιτῶν τι^{8**} πλέον, οὐ γὰρ παρέχει^{8***} ἡ ὥρα, τῶν ἐκσπιλευτῶν μου ἐγγισάντων, ἀλλὰ μὴ ἀντιτείνης ἡ^{8****} στιβαρήσης οὐ γὰρ εὐρήσης^{8*****} ἐν ἐμοί τι^{9*} ἀγαθόν. προκατέλαβόν με γὰρ αἱ ἀνομίαι μου καὶ^{9**} πρὸς ἐσπέραν ἐφθάσθην κακῶς^{9***} ὅτι ἀμύθητά μου τὰ χρέη. ἀλλ' ὡς ἐδέξου Πέτρου τοῦ ἀποστόλου^{9****} τὸν πικρὸν^{9*****} κλαυθμὸν, οὕτως πρόσδεξαι^{10*} καὶ τὸν ἐμὸν, φιλάνθρωπε, ἐπιχέων^{10**} ταῦτα τὰ δάκρυα ἐπὶ τὸ τῶν ἀνομιῶν^{10***} μου χειρόγραφον καὶ τῷ σπόγγῳ τῆς εὐσπλαγχνίας σου ἐξαλείφων τὰ ἀνήκεστα^{10****} μου πλημμελήματα".

ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐπὶ πλείστας ὥρας ὁ ληστής ἐξομολογούμενος καὶ τῷ ἰδίῳ φακιολῷ τὰ δάκρυα ἐκμάσσωσιν παρέδωκε τὸ πνεῦμα, καθὼς οἱ πλησίον αὐτοῦ κοιμώμενοι διηγήσαντο. ἀρχίατρος δέ τις εὐλαβῆς ὁ^{10*****} ἐκείνων τὸν ξενῶνα^{11*} ἐπισκεπτόμενος ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ καθεύδων δίκαιος καὶ φοβούμενος τὸν Θεὸν^{11**} ὄρα^{11***} κατ' ὄναρ κατ' αὐτὴν τὴν ὥραν ἐν ἣ ὁ ληστής ἐτελεύτησε, τινὰς λιθίωπας πολλοὺς ἐλθόντας πρὸς τὴν κλινὴν τοῦ ληστοῦ μετὰ πλείστων χάρτων περιεχόντων τὰ ἁμαρτήματα τοῦ ληστοῦ, εἶτα καὶ δύο τινὰς φωτεινοὺς ἀνδρας. ἤνεγκαν οὖν ζυγὸν καὶ^{11****} βαλόντων τῶν λιθίωπων ἅπαντα^{11*****} τὰ χειρόγραφα τοῦ ληστοῦ, κατεβάρησεν^{12*} ἡ μία πλάστιγξ, ἡ δὲ ἕτερα ἐφ' ἰψηλοῦ^{12**} ἦν ἀνακεκουφισμένη. λέγουσι οὖν οἱ δύο τοῦ φωτὸς ἄγγελοι "εἶτα ἡμεῖς οὐδὲν ἔχομεν ὧδε". λέγει ὁ ἕτερος^{12***} πρὸς τὸν ἄλλον "τί ἔχομεν ἔχειν; οὐπω δεκάτην ἡμέραν ἔχει ἐλθὼν ἐκ τοῦ ληστηρίου (fol. 390 v.) καὶ τῶν φόνων αὐτοῦ καὶ τὴν ἀγαθὸν ζητοῦμεν ἐκ τούτου"; καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον προσεποιήσαντο^{12****} τὸ ψηλαφᾶν ἐν τῇ κλινῇ αὐτοῦ ὅπως^{12*****} εὕρωσι καὶ αὐτοὶ τι ἀγαθόν. καὶ εὕρων ὁ εἷς τὸ φακιόλιον αὐτοῦ^{13*} ἔβη τὸν κλαυθμὸν ἐξήμεσε^{13**}, λέγει πρὸς τὸν ἑταῖρον^{13***} αὐτοῦ "οὕτως οὐδὲν ἕτερον ἔχωμεν ὧδε, εἰ μὴ^{13****} τὸ φακιόλιον τῶν δακρύων αὐ-

7**** om. M
7***** ἑαυτοῖς cod.
8* om. M
8** μέ τι
8*** ἔχει
8**** μὴ
8***** οὐ γὰρ εὐρήσης om. M
9* τό
9** om. M
9*** φθάσαντα καλῶς
9**** ἀποστόλου σου
9***** πικρότατον
10* πρόσδεξαι cod.
10** ἐπιχέον μου cod.
10*** ἁμαρτιῶν
10**** ἀνείκαστα
10***** εὐλαβῆς ὁ om. M
11* ξενῶνα cod.
11** δίκαιον - Θεόν om. M
11*** ὄρα
11**** om. M
11***** πάντα
12* ἑκατεβάρησεν cod.
12** ἰψους
12*** εἷς
12**** προσεποίησαν cod.
12***** εἷ πως
13* om. M
13** ἐξέμασσαν ὁ ληστής
13*** ἕτερον cod.
13**** οὐδὲν - μὴ om. M

του^{13****}. ἀλλὰ βάλωμεν αὐτὸ^{14*} εἰς τὴν ἑτέραν πλάστιγγα καὶ τὴν φιλανθρωπίαν τοῦ Θεοῦ σὺν αὐτῷ, καὶ^{14**} πάντως γένηται αὐτῷ^{14****} τί ποτε". καὶ ὡς μόνον ἔβαλον αὐτὸ^{14****} εἰς τὴν πλάστιγγα τὴν ἀνακεκουφισμένην κατεβάρησεν ἐξαίφνης^{14****} καὶ ἐσκορπίσθησαν ὅλα τὰ χειρόγραφα τὰ ὄντα εἰς τὴν ἄλλην πλάστιγγα καὶ ἐβόησαν μιᾷ φωνῇ οἱ ἄγγελοι λέγοντες "ἐνίκησεν ἡ φιλανθρωπία τοῦ Θεοῦ^{15**}". καὶ λαβόντες τὴν ψυχὴν τοῦ ληστοῦ ἀπήγαγον αὐτὴν μεθ' ἑαυτῶν, οἱ δὲ Αἰθίοπες ὀλολύξαντες^{15**} ἔφυγον κατησχυμένοι^{15****}.

καὶ ταῦτα ἰδὼν ὁ ἰατρὸς ἐκεῖνος ὁ ἐνάρετος^{15****} ἔξυπιος γενόμενος εὐθὺς ἐνεδύσατο τὰ ἰ(fol. 391)μάτια αὐτοῦ καὶ δρομαῖος εἰσῆλθεν^{15****} εἰς τὸν ξενώνα καὶ ἔλθων εἰς τὴν κλίνην τοῦ ληστοῦ εὔρε τὸ μὲν^{16*} σῶμα αὐτοῦ σχεδὸν ζέον^{16**}, τὴν δὲ ψυχὴν αὐτοῦ ἀπελθοῦσαν πρὸς Κύριον, τὸ δὲ φακίολον αὐτοῦ^{16****} ἐπὶ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ κείμενον γέμον^{16****} τῶν^{16****} δακρῶν. καὶ δὴ μαθὼν παρὰ τῶν πλησίον^{17*} κοιμωμένων^{17**} τὴν ἐξομολόγησιν ἦν ἐποίησατο ὁ ληστὴς πρὸς τὸν Θεὸν λαβὼν τὸ φακίολιον εἰσῆλθε πρὸς τὸν εὐσεβέστατον βασιλέα, δεικνὺς αὐτὸ^{17***} καὶ διηγούμενος ἄπερ ἐκ τῶν κοιμωμένων ἀκήκοεν καὶ ὅσα ἐν ὄνειρῳ εἶδε θαυμάσια^{17****} λέγων ὁ ἰατρὸς^{17****} τῷ βασιλεῖ οὕτως^{18*} "εὐχαριστοῦμεν τῷ Θεῷ εὐσεβέστατε δέσποτα ἠκούσαμεν ληστὴν σωθέντα δι' ἐξομολογήσεως ἐπὶ τοῦ σταυροῦ τοῦ οὐρανοῦ βασιλέως καὶ ἴδωμεν ληστὴν σωθέντα δι' ἐξομολογήσεως ἐπὶ τοῦ κράτους τοῦ ἐπιγείου βασιλέως^{18****}".

καὶ^{18****} πιστεύωμεν ἀληθῆ εἶναι. ὅμως καλὸν τὸ^{18****} προλαβεῖν τὴν φοβερὰν ὥραν τοῦ θανάτου (fol. 391v.) καὶ προετοιμάσαι ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας. πόσοι γὰρ, εἰπέ μοι, ἐξαίφνης ἀρπάζονται μὴτε λαλῆσαι μὴτε δακρῶσαι^{18****} ἰσχύοντες, τίς δέ σοι^{19*} καὶ ὁ ἀντιφωνῶν ὅτι εὐρήσεις τοσαῦτα^{19**} δάκρυα τὴν^{19***} ὥραν ἐκείνην τῷ Θεῷ προσαγάγει^{19****} ὅσα ὁ ληστὴς

13**** αὐτοῦ ἦν

14* αὐτῷ cod.

14** εἰ cod.

14*** om. M

14**** αὐτῷ cod.

14***** om. M

15* Δεσπότης

15** om. M

15*** κατασχυνόμενοι

15**** om. M

15***** δρομαῖως ἦλθεν

16* om. Cod.

16** ζέοντα cod.

16*** om. M.

16**** μεστόν

16***** τά cod.

17* πλησίον cod.

17** κοιμωμένων ἐκεῖ cod.

17*** αὐτῷ

17**** κατ' ὄναρ ἐθεάσατο

17***** om. M

18* om. M

18** ἐπὶ - βασιλέως cod. ἐπὶ τῆς σῆς βασιλείας M

18*** καὶ ταῦτα μὲν ἀκούοντες

18**** τοῦ cod.

18***** δακρῶσαι μὴτε διαθήκην ποιῆσαι

19* σε

19** om. M.

19*** μετὰ τὴν

19**** προσαγαγεῖν

ἐκεῖνος προσήγαγεν; διὸ μηδὲ ἀναμένωμεν^{19*****}, μηδὲ ἐκδεξώμεθα ἐν τῷ θανάτῳ τῷ Θεῷ ἔξομολογήσασθαι, ἀλλὰ μᾶλλον προφθάσωμεν τὸ πρόσωπον^{20*} ἐν ἔξομολογήσει. οὐ γὰρ ἵνα χανῶσω τὰς ὑμετέρας ψυχὰς ταῦτα συνέγραψα, ἀλλ'^{20**} ἵνα διεγείρω, οὐχ ἵνα ἀμελεστέρους ἀλλὰ προθυμωτέρους ποιήσω^{20***}.

Перевод

Жил во времена императора Маврикия один разбойничий атаман в области Фракии. Таким он был жестоким и бесчеловечным, что из-за него тамошние дороги сделались непроезжими. Многие воины и военачальники всячески старались поймать его, но не смогли. И вот прослышал [о нем] божественный император Маврикий и через одного молодого слугу послал атаману разбойнику свои личные ручательства и нательный крест, давая [тем самым] ему свое клятвенное слово. Усовестившись по Божьей воле слову царскому, тот отбросил разбойничий нрав и, усвоив овечью кротость, пал к ногам императора с исповедью. Потом, по прошествии немногих дней, охватила разбойника лихорадка, и он лег в больницу, называемую Сампсон⁶. [Там] его пользовали винопитием⁷, он впал в иступление ума, а потом, когда уже спустилась ночь, опаматовал и пришел в себя. Видя себя в тяжелом состоянии, совершенно готовым уйти из жизни, он обратился к обиталищу всемилостивого Бога, со слезами исповедуясь и прося прощения за свои грехи. Говорил он: “Я не прошу у Тебя ничего чуждого [Тебе], Человеколюбче: ведь [я умоляю] ровно о том, что через исповедь [получил] у Тебя [евангельский] разбойник, который был до меня. Вот так же яви и мне свою удивительную жалость, по благоутробию Твоему, и прими от меня этот плач с предсмертного ложа. Ведь и те [евангельские, “работники] одиннадцатого часа” (Матфей 20, 1–13) не совершили ничего достойного – вот так же и от меня [прими] эти горькие скудные слезы и, очистив меня, окунув в них, предоставь мне предсмертное прощение, словно крещение. Не проси ничего больше, ибо нет у меня времени – охотники за моей душой⁸ уже приближаются. Но не держи зла и не гневайся, ибо не найдешь Ты во мне ничего хорошего. Ведь “постигли меня беззакония мои” (ср. Псалмы 39,13), и плохо пришел я к закату моему, ибо несказанны долги мои. Но как принял Ты плач апостола Петра, окажи так же благосклонность и моему, Человеколюбче! Вылей эти мои слезы на

^{19*****} μὴ ἀναμένωμεν

^{20*} πρόσωπον αὐτοῦ

^{20**} ἀλλὰ μᾶλλον

^{20***} ποιήσω post ἀμελεστέρους M ponit et addit: ὅπως ἐν τῷ σταδίῳ τῶν νηστειῶν καλῶς ἀγωνισάμενοι, στεφαιῖται γενόμενοι, τῆς ἀφέσεως τῶν ἀμαρτιῶν καὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν ἀξιοῦμεν* χάριτι καὶ φιλανθρωπίᾳ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μεθ' οὗ τῷ Πατρὶ δόξα, ἀμα τῷ ἁγίῳ καὶ ζωοπιῶ Πνεύματι, νῦν, καὶ ἀεὶ, καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων. Ἀμήν.

⁶ Больница Самсона была одной из старейших и самых известных в Константинополе: она существовала с IV до XIV в. В VI в. Юстиниан расширил ее и превратил в крупное специализированное медицинское учреждение, осуществлявшее как амбулаторное лечение, так и стационарирование больных, см.: Miller T.S. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimor, 1985. P. 27–28, 80–81 etc.

⁷ Винопитие считалось в византийской медицине важным лечебным средством, ср.: Pauli Aeginetae Epitome. III, 5, 1; Aetii Medici Iatricorum. VIII, 65; Alexandri Tralliani Therapeutica / Ed. T. Puschmann. Wien. 1963. Vol. II. P. 29. Можно предположить, что разбойник страдал желчекарканьем, ср.: Aetii Iatricorum. IX, 3.

⁸ Слово Ἐκστηλευτής (в нашей рукописи – ἐκσπλευτής) – от латинского expellator – означало чиновника, занимавшегося взысканием недоимок, ср. Justiniani Novellae, 128. Ср. PG. Col. 1112, n. 28.

рукопись моих беззаконий и губкой Твоего милосердия сотри ужасные мои прегрешения!”.

Такие страстные речи возносил разбойник, исповедуясь в течение многих часов и вытирая слезы своим платком⁹, [а потом] испустил дух, как рассказали те, кто лежал поблизости от него. А один благочестивый врач¹⁰, надзиравший над этой больницей, почивал [тогда] в своем доме. Был он праведен и боялся Бога. В тот самый час, в который скончался разбойник, увидел этот врач во сне, как к ложу разбойника пришли какие-то многочисленные эфиопы со множеством хартий, содержащих прегрешения разбойника¹¹, а потом – два светозарных мужа. Затем принесли весы¹², и когда эфиопы положили на них все рукописи [с перечислением грехов] разбойника, одна чаша весов опустилась вниз, а вторая поднялась высоко вверх. И говорят два светлых ангела: “После этого нечего нам тут делать”. И один обратился к другому: “Что [еще] могли мы получить? Ведь не прошло и десяти дней, как он пришел из шайки и [прекратил] свои убийства – что хорошего мы ждем от него?” И с этими словами они пустились шарить в его постели, пытаясь найти хоть что-нибудь доброе. И один из них, найдя платок, которым разбойник утирал слезы, сказал товарищу: “Воистину, у нас здесь нет ничего другого, кроме платка, пропитанного его слезами. Давай положим его на вторую чашу весов, а с ним и человеколюбие Божье, и вообще – будь с ним что будет”. И лишь только возложили они его на поднявшуюся чашу весов, как вдруг она опустилась, а все те хартии, что лежали на второй чаше, расточились. И воскликнули ангелы в один голос, говоря: “Человеколюбие Божье победило!” И взяв душу разбойника, они увели ее с собой, а посрамленные эфиопы бежали с причитаниями.

Увидев все это, добродетельный врач проснулся и, надев плащ, бегом побежал в больницу¹³. Подойдя к постели разбойника, он нашел его тело еще теплым, а душу ушедшей к Господу. Его платок покоился на его глазах, весь пропитанный слезами. Узнав от тех, кто лежал рядом, о той исповеди, которую принес Богу разбойник, [врач] взял платок и вошел с ним к благочестивейшему императору¹⁴. Он показал его и рассказал о тех чудесах, которые услышал от больных и увидел во сне. И так сказал врач царю: “Возблагодарим Бога, о благочестивейший владыка!

⁹ Слово φακίδιον употребленное в нашем тексте, обычно означает тюрбан. Ср.: *Sophocles S.V.* Тот же смысл безусловно подразумевается во втором, несколько отличном от нашего, изводе данной истории: там этот предмет назван κεφαλῆς περικάλυψα или κεφαλῶδεςσιον (см.: PG. Col. 1141). То есть, речь должна идти о своего рода ночном колпаке. Однако не исключено, что в нашей версии подразумевалось едва отличимое от первого слово φακίδης, обозначавшее носовой платок, от латинского *facies* – “лицо”. Ср. в словаре Суда: φακίδιον ἢ σουδάριον (Σ. 429).

¹⁰ Должность ἀρχιάτρως (“главный врач”) существовала еще в античности. Юстиниан перевел таких врачей из муниципального ведомства на бюджет больниц. Главный врач подчинялся лишь директору больницы, ксенодоху, и имел в подчинении целый штат обычных врачей, служащих и медбратьев, см.: *Miller T.S. The Birth of the Hospital... P. 4, 48, 148.*

¹¹ Мотив посмертного суда как бюрократического прения, в котором участвуют ангелы и бесы со списками всех прижизненных грехов человека, получил развитие в житиях Василия Нового и Андрея Юродивого, а также в Видении Анастасии. Можно предположить, что наша “душеполезная история” является самым ранним образчиком этой загроможденной бюрократии.

¹² Образ весов, на которых взвешивают грехи умершего, появляется еще у Василия Великого (*Oxford Dictionary of Byzantium. P. 1755–1756*), однако графическое воплощение этот мотив получает гораздо позднее – в сценах “Страшного Суда” в росписях св. Стефана в Кастории (X в.) и Торчелло (XI–XII вв.).

¹³ По всей видимости, дом главврача мыслится как расположенный поблизости от больницы. О бытовой стороне жизни главврача больницы Самсона не сохранилось никаких данных, но про больницы Христордота и Пантократора нам известно, что там главных врачей было по два и они работали посменно, через месяц, ср.: *Miller T.S. The Birth of the Hospital... P. 153.*

¹⁴ Должность главного врача не считалась слишком высокой, и, согласно церемониальной книге Филофея, таковые встречались с императором всего раз в году (*Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IX et X siècles. P., 1972. P. 183.13*).

[Раньше] мы слышали о разбойнике, спасшемся через исповедь у креста Царя небесного – а [теперь] видим разбойника, спасшегося через исповедь перед властью царя земного¹⁵”.

Веруем мы, что все это истинно. И все же, лучше заранее ждать страшного мига смерти и готовить себя путем покаяния. Ведь сколько людей, скажи мне, были похищены [смертью] внезапно, не успев ни слова молвить, ни заплакать. И кто тебе удостоверит, что в этот час у тебя найдется столько слез, чтобы принести их Богу, сколько принес тот разбойник? Поэтому давайте не будем ни медлить, ни ждать, чтобы исповедаться Богу в момент смерти, но скорее явемся к исповеди с упреждением. Я написал это не для того, чтобы ослабить ваши души, но чтобы пробудить, не для того, чтобы сделать вас более легкомысленными, но – более бодрыми¹⁶.

¹⁵ Любопытно, что все герои рассказа являются светскими лицами. Возникшие в X в. Чудеса св. Сампсона, описывающие будни этой же больницы, также не упоминают ни о каких монахах, см.: *Miller T.S. The Birth of the Hospital...* P. 127.

¹⁶ Вариант окончания, опубликованный Минем, содержит смысловую привязку к посту по случаю коего была произнесена та проповедь, в которую вставлена наш “душеполезная история”, см.: PG. Col. 1115.